

ГЛАВА I

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

ТРИСТАНА

Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга, к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него.

В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Проведав, что его враги на него ополчились, Ривален, король Лоонуа, переправился через море ему на помощь. Служил он ему и мечом, и советом, как то сделал бы вассал, и служил столь верно, что Марк наградил его рукою сестры своей, красавицы Бланшефлёр, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Он сочетался с нею браком в церкви Тинтажеля. Но едва успел он жениться, как до него дошли вести, что его старинный враг, герцог Морган, обрушившись на Лоонуа, разоряет его земли, опустошает нивы и города. Наскоро снарядил Ривален корабли и повез Бланшефлёр, беременную, в свою дальнюю страну. Пристав у своего замка Канюэль, он оставил королеву на попечение конюшему своему Роальду, которому за его верность дали славное прозвище Роальд Твердое Слово. Затем, собрав баронов, он отправился на войну.

Долго ждала его Бланшефлёр. Увы, ему не суждено было возвратиться! Однажды она узнала, что герцог Морган вероломно

убил его. Она не оплакивала его: ни стонов, ни сетований. Но ее члены сделались слабыми и безжизненными; душа ее страстно пожелала вырваться из тела. Роальд старался ее успокоить.

— Государыня! — говорил он. — Прикоплять горе к горю нет выгоды. Разве всем родившимся не предстоит умереть? Пусть же Господь примет умерших, и да сохранит Он живых!..

Но она не хотела его слушать. Три дня ждала она свидания с милым супругом; на четвертый родила сына и, взяв его на руки, сказала:

— Сын мой, давно желала я увидеть тебя: вижу прекраснейшее создание, какое когда-либо породила женщина. В печали родила я, печален первый мой тебе привет, и ради тебя мне грустно умирать. И так как ты явился на свет от печали, Тристан и будет тебе имя*.

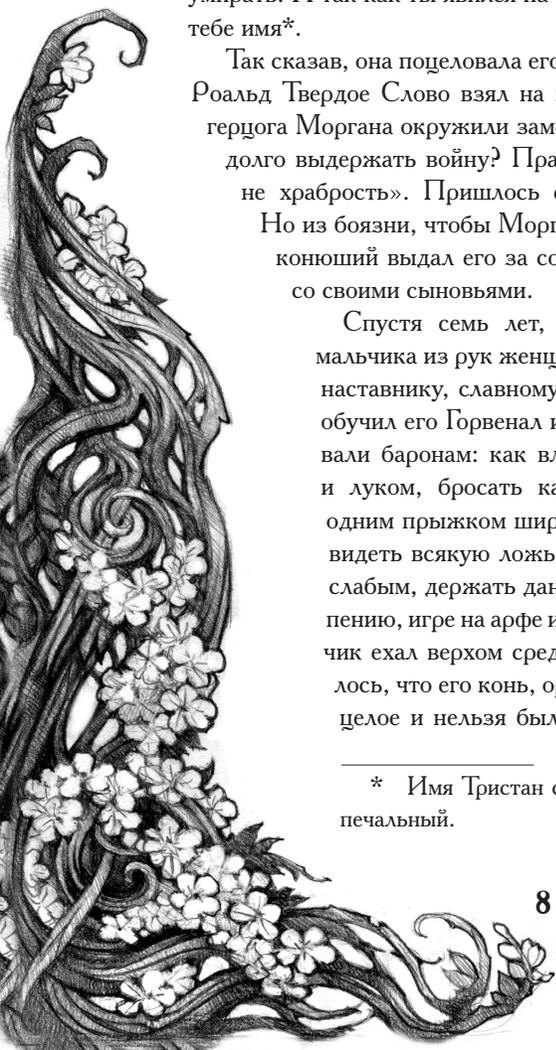
Так сказав, она поцеловала его и, как поцеловала, скончалась. Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Уже воины герцога Моргана окружили замок Канозель. Как было Роальду долго выдержать войну? Правду говорят: «Отчаянность — не храбрость». Пришлось ему сдаться герцогу Моргану.

Но из боязни, чтобы Морган не умертвил сына Ривалена, конюший выдал его за собственного ребенка и воспитал со своими сыновьями.

Спустя семь лет, когда наступило время взять мальчика из рук женщин, Роальд вверил его мудрому наставнику, славному оруженосцу Горвеналу. Скоро обучил его Горвенал искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, бросать каменные диски, перескакивать одним прыжком широчайшие рвы; научил его ненавидеть всякую ложь, всякое вероломство, помогать слабым, держать данное слово; обучил всякого рода пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом среди юных оруженосцев, то казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Глядя на него,

---

* Имя Тристан созвучно с французским *triste* — печальный.

столь прекрасного, мужественного, широкоплечего, тонкого в талии, сильного, верного и храброго, все славил Роальда, что у него такой сын. А Роальд, памятуя о Ривалене и Бланшефлёр, юность и прелесть которых оживала перед ним, любил Тристана как сына и втайне чтит его как своего повелителя.

Случилось так, что вся его радость окончилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его как славную добычу. Пока они плыли к неведомым странам, Тристан метался как молодой волк, попавший в капкан. Но известно по опыту, — и все моряки хорошо это знают, — что море неохотно носит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. Гневное, поднялось оно, объяло корабль мраком и гнало его восемь дней и восемь ночей куда попало. Наконец моряки увидели сквозь туман берег, изрезанный утесами и подводными рифами, о которые должно было разбиться их судно. Они покались, поняв, что море разгневалось на них из-за этого ребенка, похищенного ими в недобрый час. Они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо; в то время как корабль норвежцев исчезал вдали, успокоенные и смеющиеся воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

С большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за холмистой и пустынной степью простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде, своем отце, и о земле Лоонуа, как вдруг далекий звук охотничьего рога и оклики развеселили его сердце. На опушке леса показался прекрасный олень. Свора собак и охотники неслись по его следам, голоса и трубя. Но когда несколько ищеек повисло на загровке зверя, он пал, в нескольких шагах от Тристана, на задние ноги при последнем издыхании, и один из охотников ударил его копьем. Между тем как, собравшись в кружок, они трубили об удаче, Тристан с удивлением увидел, как старший охотник полоснул оленя по горлу, словно собираясь его перерезать.

— Что делаете вы, господин мой? — воскликнул он. — Пристало ли свежевать столь благородное животное, как свежую заколотую свинью? Разве таков обычай этой страны?

— Друг мой, — ответил охотник, — что сделал я такое, что могло бы тебя удивить? Да, я отниму сначала голову оленя, потом

рассеку тушу на четыре части, которые мы и отвезем, привязав к луке наших седел, королю Марку, нашему повелителю. Так поступаем мы; так поступали жители Корнуэльса со времен древнейших охотников. Если, однако, тебе знаком более достойный обычай, покажи нам его: вот тебе нож, друг мой, мы охотно у тебя поучимся.

Встав на колени, Тристан содрал с оленя шкуру, прежде чем разнять его; затем разнял, как подобало, не трогая крестца, отобрал потроха, морду, язык, бедра и сердечную жилу.

И охотники, и доезжачие, склонившись над ним, смотрели и любовались.

— Друг! — сказал главный охотник. — Обычай этот прекрасен. В какой стране научился ты ему? Скажи нам, откуда ты родом и как тебя звать?

— Господин мой, зовут меня Тристаном, а выучился я этому обычаю в моем отечестве Лоонуа.

— Тристан! — сказал охотник. — Да воздаст Господь отцу, который так достойно воспитал тебя. Он, наверно, барон богатый и могучий.

Тристан, умевший не только хорошо говорить, но и с толком молчать, ответил ему хитро:

— Нет, господин, отец мой — купец; я же тайно покинул дом на корабле, который отправлялся торговать в дальние страны, ибо хотел узнать, как в чужих землях живут люди. Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду за вами и обучу вас, господин, и другим утехам охоты.

— Дивлюсь я, милый Тристан, что есть такая страна, где сыновья купцов знают то, чего в других землях не ведают дети рыцарей. Ступай же с нами, если хочешь! Добро пожаловать: мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

И вот они отправились в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, живые воды, рыболовные тони и пахотные поля. Множество кораблей заходило в гавань.

Тристан спросил, как зовется замок.

— Зовут его Тинтажель.

— Тинтажель? — воскликнул Тристан. — Да будешь ты благословен от Бога, ты и твои хозяева!

Здесь, добрые люди, некогда в великом веселии отец его Ривален сочетался браком с Бланшефлёр. Но, увы, Тристан не знал об этом! Когда они подъехали к замковой башне, звуки охотничьих рогов привлекли к воротам баронов и самого короля Марка.

Когда старший охотник рассказал ему о приключившемся, Марк залюбовался чудным юношей-чужестранцем, и его глаза не могли от него оторваться.

«Откуда у меня эта внезапная нежность?» — спрашивал король свое сердце, а понять не мог. То была его собственная кровь, добрые люди: она-то и заговорила в нем. То была любовь, которую он некогда питал к сестре своей Бланшефлёр.

Вечером, когда унесли столы, уэльский жонглер*, мастер своего дела, появился среди собравшихся баронов и запел песни под звуки арфы. Тристан сидел у ног короля. И когда певец сыграл прелюдию к новой мелодии, он обратился к нему с такой речью:

— Песня эта лучше всех других: когда-то древние бретонцы сложили ее, чтобы прославить любовь Граэлен-та. Нежен ее мотив, нежны и слова. В пении ты искусен, сыграй ее получше.

Тот пропел, а потом спросил:

— Дитя мое, что понимаешь ты в искусстве музыки? Если купцы из земли Лоонуа также обучают своих сыновей игре на арфе, роте и скрипке, то встань, возьми эту арфу и покажи свое искусство.

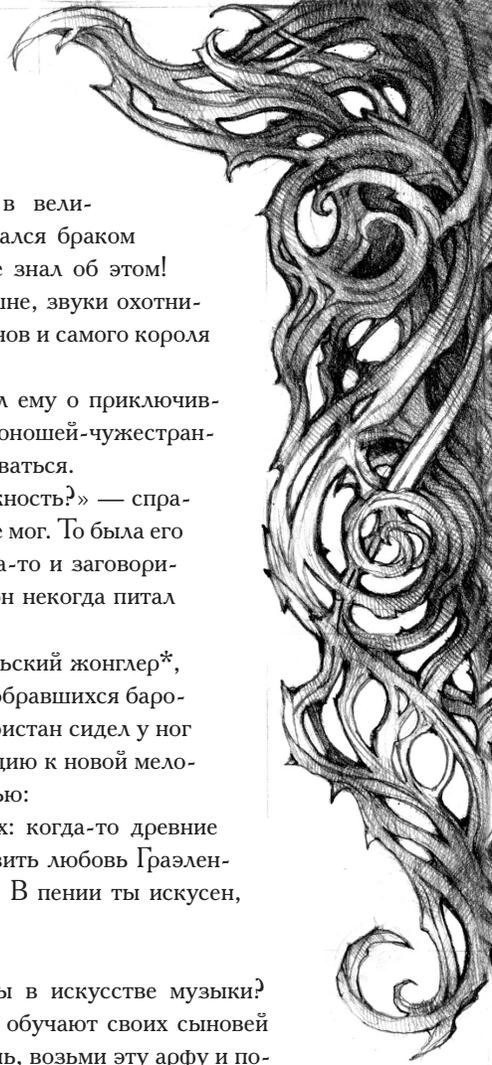
Тристан взял арфу и спел так прекрасно, что бароны, слушая его, умилялись, а Марк восхищался певцом из земли Лоонуа, куда в былое время Ривален увез Бланшефлёр.

Когда песня кончилась, король долго молчал.

— Сын мой! — сказал он наконец. — Да благословен будет учитель, который обучил тебя, благословен и ты Господом! Господь любит добрых певцов. Их голос и голос арфы проникают в сердца людей, пробуждают в них дорогие воспоминания

---

* *Жонглер* — певец, музыкант, рассказчик.

и заставляют забывать многие печали и многие злодеяния. На радость нам ты вступил в этот дом. Остаешься надолго со мной, друг мой!

— Я с удовольствием послужу вам, государь, как ваш певец, охотник и леник.

Бароны души в нем не чаяли, особенно сенешаль Динас из Лидана, как то покажет вам повесть. Но нежнее баронов и Динаса из Лидана любил его король. Однако, несмотря на их нежность, Тристан был неутешен, что утратил отца своего Роальда, наставника Горвенала и землю Лоонуа.

Добрые люди! Рассказчику, который хочет понравиться, пристало избегать слишком долгих повествований. Вот я и скажу вкратце, как, проблуждав долгое время по морям и странам, Роальд Твердое Слово пристал к Корнуэльсу, нашел Тристана и, показав Марку карбункул, когда-то данный королем Бланшефлёр как дорогой брачный подарок, сказал ему:

— Король Марк, этот юноша — Тристан из Лоонуа, — ваш племянник, сын вашей сестры Бланшефлёр и короля Ривалена! Герцог Морган несправедливо владеет его землей; пора бы вернуться ей к законному наследнику.

Скажу вкратце, что, приняв от своего дяди посвящение в рыцари, Тристан поехал

за море на корнуэльских кораблях, заставил боевых вассалов своего отца признать себя, вызвал на бой убийцу Ривалена, поразил его насмерть и вступил во владение своей землей. Потом он размыслил, что король Марк не может более быть счастлив без него; и так как благородство сердца всегда указывало ему на самое мудрое решение, он созвал своих графов и баронов и так сказал им:

— Сеньоры Лоонуа! По Божьей милости и при вашей помощи я отвоевал себе эту страну, отомстил за короля Ривалена и воздал моему отцу должное ему. Но два человека, Роальд и король Марк Корнуэльский, поддержали сироту, скитавшегося бедняка, и мне подобает назвать их отцами; не обязан ли я им воздать должное? У именитого человека две собственности: его земля и его тело. И вот Роальду, которого вы здесь видите, я оставляю мою землю. Отец мой, вы будете владеть ею, а ваш сын — после вас. Королю же Марку я отдаю свое тело: я покину эту страну, хотя она мне и дорога, и пойду в Корнуэльс служить моему господину Марку. Таково мое решение. Но вы, сеньоры Лоонуа, мои ленники и обязаны мне советом. Итак, если кто из вас хочет предложить мне другое, пусть встанет и заговорит.

Все бароны со слезами на глазах похвалили Тристана. А он, взяв с собой одного Горвенала, направился в страну короля Марка.

ГЛАВА II

МОРОЛЬД ИРЛАНДСКИЙ

Когда Тристан туда вернулся, Марк и все его бароны были в глубокой печали, ибо король Ирландии снарядил флот, чтоб опустошить Корнуэльс, если Марк вновь откажется, как то делал в течение пятнадцати лет, платить дань, которую некогда платили его предки.

Да будет вам ведомо, что по старым договорам ирландцы имели право взимать с жителей Корнуэльса в первый год триста фунтов меди, во второй — триста фунтов серебра, а в третий — триста фунтов золота; когда же наступал четвертый год, они брали триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. И вот в этот год король послал в Тинтажель со своим требованием исполинского рыцаря Морольда, на сестре которого он был женат; этого Морольда никто никогда не мог победить в бою.

Король Марк письмами за своей печатью собрал ко двору всех баронов своей земли, чтобы с ними держать совет. В назначенное время, когда бароны собрались в сводчатую залу дворца и Марк уселся на троне, Морольд повел такую речь:

— Король Марк, услышь в последний раз наказ короля Ирландии, моего повелителя! Он приглашает тебя уплатить, наконец, дань, которую ты ему обязан. А за то, что ты долго в ней ему отказывал, он требует, чтобы ты выдал мне сегодня же триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста,

избранных по жребию из корнуэльских семей. Корабль мой, стоящий на якоре в гавани Тинтажеля, увезет их, и они станут нашими рабами. Но если кто-либо из твоих баронов (я исключаю лишь тебя, король Марк, как то и подобает) захотел бы доказать единоборством, что король Ирландии взимает эту дань незаконно, я приму его вызов. Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, желает вступить в бой за свободу своей страны?

Исподлобья переглядывались бароны друг с другом, а затем потупляли головы. И все молчали.

Еще раз сказал Морольд:

— Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, хочет принять мой вызов? Я предлагаю ему прекрасный поединок: в три дня от Тинтажеля мы доедем на лодках до острова Святого Самсона. Там ваш рыцарь и я будем биться один на один, и будут честь и слава его роду, что он отважился на бой.

Они продолжали молчать.

И в третий раз заговорил Морольд:

— Что же, доблестные сеньоры Корнуэльса, если такая участь кажется вам более достойной, выбирайте ваших детей по жребию: я их увезу. Не думал я, что страна эта населена одними рабами.

Тогда Тристан преклонил колени перед королем Марком и сказал:

— Государь мой, если будет на то ваша милость, я выйду на бой.

Тщетно пытался отговорить его король Марк: рыцарь он молодой, к чему послужит его отвага? Тристан бросил Морольду рукавицу, и Морольд ее принял.

В назначенный день Тристан велел вооружить себя для великого подвига. Он обрядился в панцирь и шлем из вороненой стали.

Звонят в колокола; и все бароны и мелкие люди, старцы, дети и женщины плачут и молятся, провожая Тристана до берега. Они еще надеются: ведь надежда в сердцах людей питается и малым. Тристан сел в лодку один и направился к острову Святого Самсона. Морольд натянул на мачту своей

ладья роскошный пурпурный парус и первым прибыл на остров. Он привязывал свое судно у берега, когда Тристан, причалив, ногой оттолкнул в море свое.

— Что ты делаешь, боец? — спросил Морольд. — Почему не привязал свою ладью канатом, как я это сделал?

— К чему это, боец? — ответил Тристан. — Лишь один из нас возвратится отсюда живым: или мало ему будет одной ладьи?

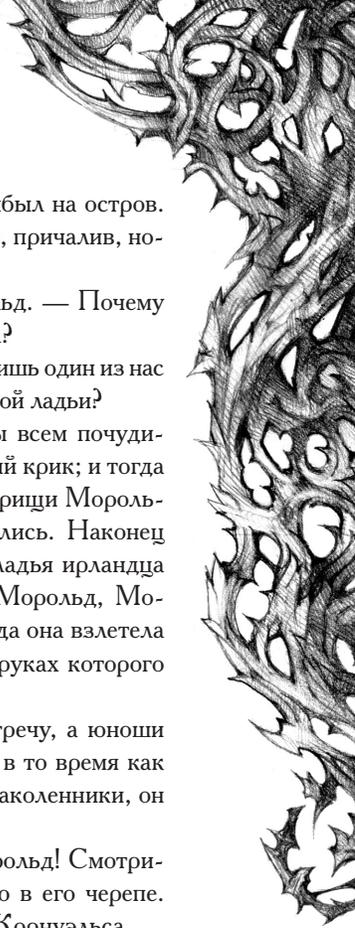
Никто не видел жестокой битвы. Но трижды всем почудилось, будто морской ветер донес до берега яростный крик; и тогда в знак горести женщины били себя в грудь, а товарищи Морольда, собравшись в стороне у своих шатров, смеялись. Наконец около полудня увидели вдали пурпурный парус: ладья ирландца отчалила от острова. И раздался крик ужаса: «Морольд, Морольд!» Ладья все приближалась, и внезапно, когда она взлетела на гребень волны, на носу ее увидели рыцаря, в руках которого было два поднятых меча: это был Тристан.

Тотчас двадцать ладей устремилось ему навстречу, а юноши бросились в плавь. Храбрец выскочил на берег; и в то время как матери, стоя на коленях, целовали его железные наколенники, он крикнул товарищам Морольда:

— Сеньоры ирландцы, славно сражался Морольд! Смотрите, меч мой зазубрен; кусок лезвия засел глубоко в его черепе. Возьмите же, сеньоры, этот кусок стали: то дань Корнуэльса.

Он направился к Тинтажелю. На его пути освобожденные им юноши с громкими криками махали зелеными ветками, и окна украсились роскошными тканями. Но когда среди радостных песен, под звуки колоколов, труб и рогов, столь громких, что нельзя было бы расслышать и Божьего грома, Тристан добрался до замка, он упал на руки королю Марку, и кровь потекла из его ран.

В великом унынии вернулись в Ирландию спутники Морольда. Бывало, возвращаясь в гавань Вейзефорд, Морольд радовался, что снова увидит своих людей, которые толпой будут приветствовать его, увидит королеву, сестру свою, и племянницу, белокурую Изольду с волосами цвета золота, чья краса уже сияла, как занимающаяся заря. Они оказывали ему ласковый прием и, если он бывал ранен, исцеляли его, ибо им ведомы были мази и настои, которые оживляли раненых, почти уже мертвецов. Но на что теперь эти волшебные снадобья, травы, собранные в урочный час, разные

зелья? Он лежал мертвый, зашитый в оленью шкуру, и обломок вражеского меча еще торчал в его черепе. Белокурая Изольда извлекла его и спрятала в ларец из слоновой кости, драгоценный, как ковчежец для мощей. И, склонившись над огромным трупом, без конца повторяя хвалы усопшему и беспрестанно посылая одно и то же проклятие его убийце, мать и дочь поочередно руководили погребальным причитанием женщин. С этого дня белокурая Изольда научилась ненавидеть имя Тристана из Лоонуа.

Между тем в Тинтажеле Тристан хирел: зараженная кровь сочилась из его ран. Врачи поняли, что Морольд вонзил в его тело отравленное копьё; и так как их снадобья и противоядия не могли его спасти, они предоставили его Божьему милосердию. Из его ран исходило такое ужасное зловоние, что самые близкие друзья избегали его — все, исключая короля Марка, Горвенала и Динаса из Лидана. Они одни могли оставаться у его изголовья: их любовь превозмогала отвращение. Наконец Тристан приказал отнести себя в хижину, построенную в стороне, на берегу, и здесь, лежа у волн, ожидал смерти. Ему думалось: «Итак, ты покинул меня, король Марк, — меня, который спас честь твоей земли? Нет, я знаю, милый мой дядя, что ты отдал бы свою жизнь за мою; но чему помогла бы твоя любовь? Приходится умирать! Но как сладко все же видеть солнце; да и сердце мое еще не утратило мужества. Хочу вверить себя морю и его случайностям. Я желал бы, чтоб оно унесло меня одного далеко. К какой земле? Не знаю. Но там, быть может, я найду того, кто меня исцелит. И, может быть, я еще послужу тебе когда-нибудь, славный мой дядя, как игрец на арфе, как охотник и твой верный вассал».

Он так молил короля Марка, что тот склонился к его просьбе. Он сам отнес его в ладью без весел и паруса; по желанию Тристана с ним положили одну лишь его арфу. И как моряк во время долгого плаванья бросает за борт труп старого товарища, так и Горвенал дрожащими руками оттолкнул в море ладью, в которой лежал милый его сын, и море ее унесло.

Семь дней и семь ночей оно тихо несло Тристана. Порой он играл на арфе, чтобы утолить свою муку. Наконец море незаметно для него пригнало его к берегу. Как раз в эту ночь рыбаки выехали из гавани, чтобы закинуть в море сети, и плыли на веслах. Вдруг они услышали нежную мелодию, смелую и живую,

скользившую по поверхности вод. Недвижимые, подняв весла над водой, они прислушивались. При первом свете зари они заметили блуждавшую ладью. Они принялись грести, чтобы догнать ладью; а она шла наугад, и казалось, ничего в ней не было живого, кроме голоса арфы. Но по мере того, как они приближались, мелодия затихала и, наконец, умолкла; когда они подыехали, руки Тристана упали неподвижно на еще дрожавшие струны. Рыбаки подобрали его и вернулись в гавань, чтобы поручить раненого своей милосердной госпоже в надежде, что она, может быть, сумеет его излечить.

Увы, гавань эта была Вейзефорд, где покоился прах Морольда, а госпожа их была белокурая Изольда! Она одна, сведущая в целебных зельях, могла спасти Тристана, но из всех женщин она одна желала его смерти. Когда, оживленный ее знахарством, Тристан пришел в себя, он понял, что волны выбросили его на землю, исполненную для него опасностей; но достаточно смелый, чтобы защитить свою жизнь, он быстро сумел найти красноречивые и хитрые слова. Он рассказал, будто он жонглер, который сел на торговый корабль и направился в Испанию, чтобы научиться искусству читать по звездам; морские разбойники напали на его корабль; раненный, он спасся на лодке. Ему поверили. Никто из товарищей Морольда не признал в нем прекрасного рыцаря острова Святого Самсона: так ужасно исказились от яда его черты. Но когда, спустя сорок дней, златовласая Изольда его почти уже излечила, когда в его теле, снова сделавшемся гибким, начала возрождаться прелесть юности, он понял, что ему надо удалиться. Он бежал и после многих опасностей однажды снова предстал перед королем Марком.

